

В. П. Русак
(Минск)

Семантическая деривация и вторичные номинации в речи жителей белорусской деревни

В новом тысячелетии развитие лингвистической науки отмечено возросшим интересом как к общим вопросам природы языка, так и к проблемам его функционирования в современном обществе. Новая научная парадигма междисциплинарных исследований, связанная с тесным переплетением достижений гуманитарных, естественных, технических наук, поставила перед языковедами непростую задачу: изучение языка не ради самого языка, а изучение языка на службе у человека, на службе познания им окружающего мира. Именно поэтому на сегодняшний день, как представляется, в центре внимания современных лингвистов оказываются языковые средства, включающие систему взглядов на проблемы именования и интерпретации всего, что отражается, понимается человеческим сознанием. Прежде всего это относится к результату номинации как языковому знаку, связанному с материализацией мышления, в ходе сложного процесса «опредмечивания человеком объективной реальности» (Уфимцева 2010: 8). Такая коллективная «философия» рассматривается как главный элемент любой этноязыковой культуры, которая формируется в соответствии с мироощущением носителей языка, их ментальностью, совокупностью представлений об окружающей действительности. Несомненно, у народов, исторически, территориально и культурно близких друг другу, языковые картины мира оказываются типологически подобными, а их национальная специфика проявляется, прежде всего, на лексическом и грамматическом уровнях.

Этим обусловлено пристальное внимание к исследованиям языка и речи в современном белорусском языкознании. В Институте языкознания имени Якуба Коласа НАН Беларуси успешно разрабатываются проблемы грамматики, семантики, синтаксиса, компьютерной лингвистики, диалектологии. Созданные фундаментальные словари обеспечивают нормативное использование литературного языка во всех сферах функционирования, в первую очередь в учебном процессе, СМИ, научной и гуманитарной среде после введения в действие новой редакции правил (см. СБМ 2012; ГСН 2013; ГСД 2013; ГСП 2013; АСБМ 2017).

Тем не менее в перечне актуальных изданий работы диалектологов, наполненные непосредственным вниманием к «живым» словам и «первоисточникам» именованний — народным говорам и их носителям, — занимают приоритетное место не только в лингвистике, но и в системе современного человековедения. Это бесспорно, потому что в центре внимания диалектологов всегда находится конкретный человек — носитель национального языка и культуры, хранитель исторических ценностей и традиций.

Детальное изучение содержательной стороны местных говоров и их языковых средств позволяет нам показать, как интерпретируется окружающий мир в соответствии с мироощущением носителей языка и совокупностью многочисленных личных представлений о родной действительности. В данной статье попытаемся коротко представить особенности семантической деривации и вторичных номинаций, зафиксированных в речи жителей современной белорусской деревни. Фактический материал выбран из новых, а также уже известных диалектных словарей (см. Бяльк.; МС; РБ; СП; Сцяш.;ТС). При описании значений предметных номинаций и выяснении семантического диапазона лексических единиц использовались материалы последнего издания «Тлумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы» (ТСБЛМ 2016).

Как известно, основы классификации лексических значений были заложены В. В. Виноградовым, а продолжены — в многочисленных семиологических исследованиях разных лет (см. Виноградов 1953; Звегинцев 1957). Следуя за большинством лингвистов, мы считаем значение слова способом концептуализации объективной реальности. При этом принимаем, что основным, обязательным элементом лексического значения «является его интенционал — денотативно-сигнификативная соотносительность слова. Остальные ингредиенты (импликационал) в определенной степени конкретизируют и уточняют значение слова и составляют его периферийную часть» (Старычонок 2017: 22). Критерием определения номинативного (главного, исходного, первичного) значения является его широкое распространение, высокая частота употребления, контекстная независимость, наибольшая парадигматическая и наименьшая синтагматическая обусловленность (см. Звегинцев 1957; Зализняк 2006 и др.). Переносные значения, возникшие, как правило, на базе прямых значений, являются больше гетерогенными, обусловленными контекстом и менее распространенными. Среди переносных значений в отдельные группы выделяются метафорические, метонимические, эмоционально-оценочные и многие другие. В зависимости от признаков, положенных в основу клас-

сификаций, выделяется ряд бинарных значений, среди которых основными являются денотативное (предметное) и сигнификативное (понятийное), узуальное и окказиональное, нейтральное и эмоционально окрашенное, центральное и периферийное и т. д.

В данной статье, анализируя речь сельских жителей, мы стремились отразить и национальные особенности, и культурные традиции, и ценностные представления, и философские основы жизненного уклада белорусских односельчан. Поэтому основное внимание сконцентрировано на образовании системных лексико-семантических вариантов (ЛСВ), метафорических и иных переосмыслениях действительности, а также на способах реализации семантических моделей, являющихся средством познания определенных фрагментов жизнедеятельности, в которых, в первую очередь, отражено социальное, личностное и национальное мировосприятие белорусов. В качестве таких семантических компонентов, объединяющих первичные и вторичные ЛСВ, рассмотрим следующие типологические модели.

I. Наиболее продуктивным типом семантической деривации является метафоризация, при помощи которой активно пополняется сфера человеческих представлений о реальных явлениях и предметах. Такие образования создают особенный параллельный мир интерпретаций, который существует в сознании носителей языка. Метафорические образования во многом обусловлены традиционными живыми представлениями носителей языка о людях, реалиях, действиях. Определено, что когда в зооморфической модели в качестве исходного ЛСВ выступают наименования животных, тогда в речи местных жителей встречаем следующие параллели.

Жанчына — *выдра* — ‘злая’, *кобра* — ‘каварная’, *самадумка* — ‘непаслухмяная, свавольная’: *Унучка* — *самадумка* гэная, з ёй не скамандавайшся, свавольніца гэткая (РБ);

Жанчына — *зязюля*, *ластайка*, а *жаваранак* — ‘*каханая* дзяўчына’, *накраса* — ‘акраса’: **Жонка** — *накраса мая!* (РБ).

Можно добавить, что положительно характеризуют белорусскую женщину и другие метафорические образования, такие как: *смяхуха* — ‘смяшлівая, всеялуха’: «Такая *смяхуха* — звiнiць i звiнiць», *танцоха* — ‘умее танчыць’, а умеющая работать — это *пчолка*, *мурашка*, а еще *папрадуха* — ‘тая, што прадзе ўсю зiмачку’ (РБ).

Мужчына — *сабака* — ‘злы’, *тарадон* — ‘пустабрэх’, *ліс* — ‘хітры’, *баран* — ‘дурань’, *халярун* — ‘халерык; у гарачай вадзе купаны’.

Важно отметить, что чаще сельский мужчина репрезентируется как: *сціпны* — ‘спрытны, зручны; дасціпны’, *хаплівы* — ‘увішны, быстры’, *цягун* — ‘старанны, працавіты’. «У яе мужык такі *цягун* — ні хвіліначкі не пасядзіць, усё нешта робіць, нешта стараецца, яго да работы так і цягнуць» (РБ).

II. Материалы словарей широко фиксируют перенос наименований по ассоциативной связи, по смежности. Среди этих метонимических переосмыслений в пространственной субстанциональной модели наиболее частыми являются две разновидности:

- 1) «ёмкость (посуда)» — «количество вещества в ней»,
- 2) «материал» — «изделие из него».

Более древними в этой группе считаются соматические переосмысления, которые широко известны и представлены в большинстве языков. Можно вспомнить тот же *локаць* — ‘старажытная мера даўжыні, роўная прыкладна 0,5 метра’, а еще *жменя* и *прыгаричы* — ‘далонь і пальцы рукі складзеныя так, каб можна было што-небудзь набраць’, а так же ‘колькасць чаго-небудзь, што змяшчаецца ў складзеныя такім чынам *жменю* ці *далоні*’.

Локаць — ‘мера даўжыні ад кісці рукі да локця’: *Бабы мералі на локці холст, Арышын больш за локці трошкі* (Сцяш.). *Набяры ў жменю пшаніцы і высып куранятам — Калі сем жменяў, а калі дзесяць у снапу* (Сцяш.).

Реконструировав семантическую связь по этому типу, сюда же можно включить номинации:

Ладка — ‘мера валакна льну, канापель’ — ‘ахапак сухога лёну або канापель’: *Дзве жмені — ладка, а дзесяць ладок — дзесяток — Твая така добра церніца, што я ек бачыш сцерла тры ладкі* льну (ТС);

Нюх — ‘драбок’ — ‘трошкі’: *Вазьмі з нюх солі — Дай мне на нюх табакі* (СП);

Нюшок — ‘узятая ў тры пальцы мука, соль, крупа’ — ‘трошкі’: *Солі адзін нюшок, і досіць* (РБ) — *Дай мне нюшок перцу, солі* (СП).

Подобным образом общее значение ‘незначительное количество, немного чего-нибудь’ положено и в основу модификаций:

Ступяк — ‘ступня’ — ‘мера дліны, роўная адной ступні’: *Ногу поломаў — ступак цэлепаўса* (ТС), *Ступак нагі — Садзяць буракі на весь ступак* (СП);

Комсць (кулак) — ‘мера глыбіні на шырыню далоні’: *Кулак сагне — то комсць — Дошч, пэўна, на комсць зямлю прамачыў* (літ. *kūmštis*) (СП).

III. Довольно большую по количеству и тематическому разнообразию группу образуют метонимические переносы «материал» — «изделие из него». В этом отношении региональные названия выявляют значительную вариативность. Распространенными в народных говорах являются переносы типа:

1) «Материал для изготовления изгороди» — «тип изгороди»:

Лёска — ‘тонкія жэрдкі для загарадзі’ — ‘агароджа з такіх жэрдак’:
Прінёс пук лескі — *Гряды абгароджаны лескью* (Юрч.),

Тын — ‘тоненькі кіёчак’ — ‘агароджа з іх’: *Тын* — *плот з кійкоў* (СП),

Частакёт — ‘прут для агароджы’ — ‘агароджа з іх’ (МС),

Шалёўка — ‘шалёўка, дошка’ — ‘агароджа з дошак’: *Шалёўка будзе добрая з этое колоды* — *Шалёўка* — *сама ходка дошка* (ТС);

2) «Материал, ткань» — «изделие из нее»:

Намётка — ‘тонкае белае палатно, з якога робяць галаўныя ўборы’ — ‘галаўны ўбор — кавалак палатна перашыты на канцах чырвонымі ніткамі’: *Выткала сабе тры губкі намёткі* — *Добрыя ў етый бабы ны гылаве намётка* (Бяльк.);

Плацёнка — ‘даматканае палатно ў палоску або клетку’ — ‘спадніца з даматканага палатна’: *Плаценак ткалі, у сем сартоў нафарбаваць трэба было* — *Плаценку нашыла* (СП);

Рабізна — ‘рабая тканіна хатняга вырабу’ — ‘спадніца з такой тканіны’: *Рабізну ткалі ў клетачкі і палосачку* — *Прыбралася ў рабізну* (СП);

3) «Волокно» — «пража» — «полотно с этого волокна»:

Кўжаль — ‘ачышчанае валакно льну’ — ‘пража, аснова палатна’ — ‘палатно з часанага льну’:

Кўжаль — *гэта самы чысты лён* — *На сарочке ткалі кўжаль, а на плахты* — *зрэбніцу* — *С кўжалю рубашкі, пасцілкі былі* (СП).

Ізрэб’я — ‘грубая, кастрывая кудзеля, якая аддзяляецца пры трапанні ільну’ — ‘палатно з грубай, кастрывай кудзелі’: *Я праду ізрэб’я з кастранявой часткі льну* — *Ізрэб’я* — *шорсткая палатно* (СП);

Нёчысь — ‘адборны лён’ — ‘кужэльнае палатно’: *Нёчысь* — *тонкае палатно* (СП);

Пакуля — ‘грубае валакно’ — ‘грубае палатно’: *Першая пакуля* — *мяхі ткалі, а з другога пакуля* — *штаны мушчынам* — *Гарсет шылі з пакуля* (СП).

4) «Картошка (бульба) — овощная культура» — «еда, приготовленная из клубней этого растения»:

Крышань — ‘кусочки бульбы’ — ‘булён’: *Як картоплю крышаць — кажучь крышаны* — Бульба не зварылася, **крышаны** ў кашы паастава-ліся (СП);

Драчы (драннэ) — ‘цеста з цёртай бульбы’ — ‘блінец з цёртай бульбы’: *Кожный дзень драньнікі* — Сянні я пікла **драчы** (Бяльк.).

IV. «Растения, травы» — «настой, отвар из этих трав».

Подобные вторичные номинации отмечаются как в литературном языке (*рамонак, зверабой*), так и широко в диалектных соотношениях, особенно часто в заговорах: **рамонак**: *Рамонак у чай гадзіцца; свяціянка, свенціян* (літ. *зверабой*): *Свенціян* — *памоцно зелья, шмат ат чаго памагайя; маліса* (літ. *меліса*): *Завары малісы і выпі, пал йак рукой здымя; матачнік* (*надбел*), *чэмер* (*чамярыца*): *Ат чемаюра куры дохнуць; сунічнік* (*ягаднік суніц*): *Сунічны ліст сушуць, а тады п’юць, як чай* (СП, Бяльк., Сцяш., МС).

V. В народных говорах зафиксировано значительное число переосмыслений в рамках атрибутивной модели «определенное качество» — «субъект, которому присуще это качество»:

Благо — ‘кепка, дрэнна’: *Чаму ты так благо памыла пасуду* (Сцяш.);

Блага — ‘бедна ў нястачы’: *Праўда, ён шыў боты і я яму памагала, але ш усіроўна было блага жыць* (СП).

Благі — ‘дрэнны, худы’: *Жывёла была благайя, кармы былі благііа* (МС).

Благі — ‘дрэнны, кепскі’: *Які ты блгі хлопец!* (МС).

Образование атрибутивной модели может реализовываться и в сложных языковых структурах, когда метонимические ЛСВ соединяются и тесно взаимодействуют с метафорическими. Например, одинаковые наименования выявляют различную семантику по разным признакам в территориально близких говорах одного региона. Подобную репрезентацию субстантивных номинаций можно сравнить в следующих обозначениях: **Благата́** (СП):

‘зло, нядобры ўчынак’: *Добры хазяін благаты ня зробіць;*

‘гора, нядоля’: *Каму яна дабрату, благату раскажыць;*

‘дрэнны настрой, цяжкія перажыванні’: *Як зойдзіць благата ў галаву — людзі заканчваюць самагупствам;*

‘тое, што не мае каштоўнасці’: *Благата, а ня вэлна!*;

‘благі, злы чалавек’: *Не прыму благату ў хату.*

‘пераборлівы чалавек’: *Добраму чалавечку — добра і ў запечку, а благаце — плоха і на куце.*

Как видим, первые четыре ЛСВ связаны метафорическими отношениями и образуют парадигму определенных качественных признаков, пятый и шестой ЛСВ носят метонимический характер с пейоративным значением.

VI. Значительное количество тематических групп вторичных номинаций составляют синекдохические переосмысления, которые характеризуются устойчивыми отношениями. Среди них очень распространена соматическая модель, в которой осуществляется перенос значения в направлении «часть тела человека, его орган» — «человек». При этом на первый план выступают характеризующие конкретного человека особенности (его внешний вид, физическое состояние, умственные способности и т. д.). Переосмысления такого плана считаются довольно регулярными и легко узнаваемыми в условиях минимальных контекстов:

Галава — ‘галава’ — ‘асоба мужчынскага полу, гаспадар’: *Яна з галавою, даўленне дужа высокае — У нас па дзевіць дзесяцін на мушскую галаву.*

Каршэнь — ‘карак’ — ‘стары чалавек’: *Прыляцеў, набіў майго ўнучка ў каршэнь — Ён такі стары каршэнь* (СП).

VII. К расширению значений слова приводят энантиосемические противопоставления, часто обусловленные культурно-историческими причинами. В живой речи поляризация энантиосемичных лексических вариантов слов происходит в соответствии с типом антонимичности значений, при этом не нарушая их тождественности и единства. Значение противопоставления выражается целым словом (или корневой морфемой):

Кіпень (літ.) — ‘вада ў час кіпення’ — **Кіпець** — ‘кіпень, вар’ — ‘вельмі вялікі мароз’: *Колісь плацьє кіпнем опарвалі — Такі кіпець мороз!* (ТС);

Балота — ‘гразкае, багністае месца’ — ‘балоцістая сенажаць і нагул сенажаць’: **Балота** — *дзе грась, вада стаіць, балотная трава расцець — У нас, дзе сенакос, называюць балота* (СП);

Зара — ‘світанне’ — ‘вячэрняя зорка’: *Світаяць, ужо зара — Зара пры захадзя слонца* (СП).

Таким образом, устойчивый интерес лингвистов к человеческому фактору в языке выявляется, в частности, и при обращении к семантической деривации и вторичным номинациям, в которых отражаются все стороны познавательной, эмоциональной, духовной, ментальной жизни людей. Сюда включаются не только характеристики человека по внеш-

ним данным, социальным признакам, моральным и психологическим качествам, но и наименования сфер деятельности, которые непосредственно воздействуют на повседневную жизнь современной деревни. Семантическая сфера вторичных номинаций является довольно разнообразной, непосредственно связанной с жизнью белорусской деревни. Здесь вторичный семантический континуум функционирует как способ вербализации объективной действительности, как система, в которой нашли отражение базовые константы, в определенной степени отражающие специфику ментальности носителей белорусского языка и культуры.

Літэратура

- АСБМ 2017 — Арфаэпічны слоўнік беларускай мовы / рэд. В. П. Русак. Мінск, 2017.
- Бяльк. — *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
- Виноградов 1953 — *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3–30.
- ГСД 2013 — Граматычны слоўнік дзеяслова / пад рэд. В. П. Русак. Мінск, 2013. 2-е выд.
- ГСН 2013 — Граматычны слоўнік назоўніка / пад рэд. В. П. Русак. Мінск, 2013. 2-е выд.
- ГСП 2013 – Граматычны слоўнік прыметніка, займенніка, лічэбніка, прыслоўя / пад рэд. В. П. Русак. Мінск, 2013. 2-е выд.
- Зализняк 2006 — *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Звегинцев 1957 — *Звегинцев В. А.* Семасиология. М., 1957.
- МС — Мова Сенненшчыны : дыялектны слоўнік. Мінск, 2015. Т. 1–2.
- РБ — *Рыгор Барадулін.* Вушацкі словазбор. Мінск, 2014. 2-е изд.
- СБМ 2012 — Слоўнік беларускай мовы / пад рэд. А. А. Лукашанец, В. П. Русак. Мінск, 2012.
- СП — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск, 1979–1986. Т. 1–5.
- Старычонак 2017 — *Старычонак В. Д.* Мнагазначнасць слова ў беларускай мове. В 3-х кн. Мінск, 2017. Кн. 1. Асноўныя тыпы полісеміі, кірункі семантычнай дэрывацыі.
- Сцяш. — *Сцяшковіч Т. Ф.* Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск, 1983.
- ТС — Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982–1987. Т. 1–5.
- ТСБЛМ 2016 — Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / рэд. І. Л. Капылю. Мінск, 2016.
- Уфимцева 2010 — *Уфимцева А. А.* Лексические номинации (первичная, нейтральная). М., 2010.
- Юрч. — *Юрчанка Г. Ф.* Дыялектны слоўнік (3 гаворак Мсціслаўшчыны). Мінск, 1966.

*Summary**Valentina Rusak***Semantic derivation and secondary nominations
in speech of Belarusian villagers**

In the article separate models of the formation of secondary nominations in Belarusian dialects are considered. Particular attention is paid to metaphorical and metonymic reinterpretations, in which the surrounding world is interpreted in accordance with the worldview of the native speakers and the totality of their personal perceptions of the native reality. Such names reflect the specificity of Belarusian speakers' mentality.